Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

Сергей Запрудски
Минск

Белорусская лингвистика 1920-х гг. в ее отношениях с властью[1]

Belarusian Linguistics of the 1920s in Its Relationship to Authorities

В существующей литературе достаточно хорошо описаны главные достижения белорусского языкознания 1920-х гг.[2] В это время была создана Научно-терминологическая комиссия, основаны Институт белорусской культуры, Белорусский государственный университет, Институт научного языка, Белорусская академия наук и Институт языкознания. Учреждение указанных институций немало способствовало успешному развитию белорусской лингвистики в эти годы.

[1] Впервые некоторые аспекты данной темы мы освещали в рамках нашей монографии "Беларускае мовазнаўства і развіццё беларускай літаратурнай мовы: 1920–1930-я гады" (Минск, 2013).

[2] Ср., например, следующие работы: І. І. Крамко, А. К. Юрэвіч, А. І. Яновіч, *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*, т. 2, Мінск 1968; P. N. Wexler, *Purism and Language: A Study in Modern Ukrainian and Belorussian Nationalism (1840–1967)*, Bloomington 1974; А. І. Жураўскі, *Мовазнаўства*, [в:] *Інстытут беларускай культуры*, Мінск, 1993, с. 33–59; Л. М. Шакун, *Гісторыя беларускага мовазнаўства*, Мінск 1995; Г. І. Кулеш, *Пытанні культуры мовы ва* „Узвышшы", „Веснік БДУ. Сер. 4" 1997, № 2, с. 37–40; В. К. Шчэрбін, *Першыя навуковыя акадэміі і першыя акадэмічныя слоўнікі*, [в:] *Беларуская мова і мовазнаўства на рубяжы III тысячагоддзя*, Мінск, 2000, с. 225–228; С. Запрудскі, *Неюбілейныя думкі з нагоды юбілейных выданняў мовазнаўчай спадчыны*, „Беларускі гістарычны агляд", т. 10, 2003, с. 319–352; В. К. Шчэрбін, *Першы буйны тэарэтык беларускай лексікаграфіі,* „Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук" 2003, № 4, с. 12–17; І. К. Германовіч, *Беларускія мовазнаўцы: у 2 т.*, Мінск 2006, 2008; І. Савіцкая, *Лексікаграфічная спадчына М. Гарэцкага: сацыялінгвістычны аспект*, „Studia Białorutenistyczne", т. 2, 2008, с. 347–356; У. І. Куліковіч, *Тэарэтычныя і практычныя праблемы беларускай мовы ў працах У. Дубоўкі*, Мінск 2011; Г. Цыхун, *Выбраныя працы*, Мінск 2012. В данной работе понятие *белорусская лингвистика* ограничивается белорусистикой, и, например, проблемы полонистики и идишистики оставляются в стороне. О развитии в Беларуси в 1920-е гг. полонистики и идишистики см., например: В. Лаўрэцкая, *Старонка з гісторыі беларускай паланістыкі (Спроба рэформы польскага правапісу ў БССР)*, „Studia nad polszczyzną kresową", т. 10, Warszawa 2001; В. В. Кнорринг, *К истории лексикологического и диалектологического изучения идиша в Белоруссии*, „Белорусский сборник", т. 4, Санкт-Петербург 2008.

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

Важным аспектом характеристики белорусской лингвистики первого послереволюционного десятилетия является установление степени его автономности как научной дисциплины, независимости от политических структур и идеологических концепций своего времени. В работах современных историков белорусской лингвистики и белорусского литературного языка данные „внешние" по отношению к истории лингвистики вопросы нередко обходятся стороной или характеризуются в самых общих чертах.

На первый взгляд, проблема отношения белорусских научных институций лингвистического профиля с политическими структурами довольно проста. Научно-терминологическая комиссия, Институт белорусской культуры и т. д. были учреждены в рамках Народного комиссариата (далее – наркомат) просвещения, следовательно, они якобы не могли быть непосредственно вовлечены в выполнение политических задач.

Проблема автономности тех или иных лингвистических взглядов, их независимости от политических структур и идеологических концепций своего времени может в той или иной мере недостаточно учитываться, "оставаться в тени» даже в самых лучших работах, посвященных анализу важных научных теорий 1920-х – начала 1930-х гг. Так, например, среди аспектов рассмотрения вопросов марксистской лингвистики в СССР, выделенных в монографии В. М. Алпатова о лингвистических идеях М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова, указаны следующие: 1. учет политических взглядов того или иного лингвиста и его отношение к марксизму вне пределов лингвистики, 2. принятие во внимание того обстоятельства, как увлеченность того или иного лингвиста марксизмом или господство марксистской идеологии в обществе определяло круг интересов ученого, 3. социолингвистика как специфическая пограничная область науки, 4. проблема существования собственно марксистской лингвистики.[3] Относительно первого аспекта автор указал, что он старался выносить данный ракурс за пределы своего исследования. Что касается второго аспекта в изложении В. М. Алпатова, то обращает на себя внимание то обстоятельство, что господство марксистской идеологии в обществе как будто могло не простираться далее влияния на круг интересов ученых, которые при этом были вынуждены „выбирать тот или иной подход, вовсе, может быть, и не марксистский в собственном смысле".[4] Проблема непосредственного диктата по отношению к ученым в данном случае как будто вовсе не артикулирована, что, вероятно, является в том числе следствием того обстоятельства, что вопреки упрочению во второй половине 1920-х гг. марризма в российской лингвистике тем не менее все еще оставалось некое пространство для свободы научной деятельности. В белорусском случае ситуация была более неблагоприятная. С одной стороны, ассоциируемые с марксистской лингвистикой идеологические догмы усваивались белорусскими языковедами позже по сравнению с российскими лингвистами.

[3] В. М. Алпатов, *Волошинов, Бахтин и лингвистика*, Москва 2005, с. 187–189.

[4] *Ibid.,* с. 188.

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

Например, рецензируя в 1927 г. второй том большой советской энциклопедии белорусский языковед Л. Цветков отмечал, что полагаться на Н. Я. Марра „можно только в тех вопросах, которые не имеют отношения к его теории яфетизма. Эта теория (лучше сказать, гипотеза) пока еще слабо обоснована". Л. Цветков предпочел бы, если бы в энциклопедии читателям было бы предложено „что-нибудь достоверное, а не гипотеза Марра, к тому же еще в таком категорическом и далеко продвинутом виде".[5] С другой стороны, отчасти в связи с относительно поздним приходом марризма в Беларусь политический диктат в белорусской лингвистической науке в годы „культурной революции" утверждался более быстро и в более грубой форме по сравнению с ситуацией в российской лингвистике тех лет.

В существующих белорусистических работах отмечаются как чрезвычайно позитивные для развития языкознания те обстоятельства, что в это время белорусская лингвистика переживала активное институциональное развитие, однако попытки амбивалентно оценить значение этого развития как правило не предпринимаются. Среди работ языковедов особого внимания заслуживает характеристика связей между дискурсом о языке, идеологией и „языковым строительством" в БССР в 1920–1930-е гг., предпринятая американским белорусистом К. Вулхайзером.[6]

Осмысление сложных связей между лингвистикой, идеологией и политическими структурами первого послереволюционного десятилетия осложняется тем обстоятельством, что данная тема преимущественно только сейчас начинает разрабатываться белорусской историографией. Например, исходя из политического контекста в *Энцыклапедыі гісторыі Беларусі* М. Л. Ивановым была дана оценка Академической конференции по реформе белорусского правописания и азбуки, прошедшей в Минске в 1926 г.[7] В центре внимания еще одного историка оказался международный фон организации этого же мероприятия.[8] Обстоятельства политического давления на культуру (также в какой-то мере на гуманитарные и социальные науки) включительно по 1929 год изучены в монографии Г. Глоговской.[9] Статусу гуманитарных наук Беларуси в контексте социальной истории 1920–1930-х гг. посвящена монография И. И. Шевчука.[10] Большое коли-

[5] Л. Цвяткоў, [рец.:] *Большая советская энциклопедия*, т. 2. Москва 1926, „Асвета" 1927, № 1, с. 135–136.

[6] C. Woolhiser, *Discours sur langue, idéologie et 'édification linguistique' dans la RSS de Biélorussie, 1920–1939*, „Cahiers de l'Institut de Linguistique et des Sciences du Langage" 2003, № 14, p. 299–337.

[7] М. Л. Іваноў, *Акадэмічная канферэнцыя па рэформе беларускага правапісу і азбукі*, [в:] *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі*. Т. 1, Мінск 1993, с. 78–79.

[8] Р. Лазько, *Клопаты Масквы і Варшавы ў сувязі з Акадэмічнай канферэнцыяй 1926 года*, [в:] *Нацыянальныя пытанні: матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў*, Мінск, 2001, с. 142–148.

[9] H. Głogowska, *Białoruś 1914–1929. Kultura pod presją polityki,* Białystok 1996.

[10] І. І. Шаўчук, *Гуманітарныя навукі ў сацыяльнай гісторыі Беларусі (20–30-я гады XX ст.)*, Брэст 2007.

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

чество полезных архивных документов, освещающих перипетии лингвистической жизни в Беларуси в 1920–1930-е гг., с сопутствующими интерпретациями опубликовал Р. П. Платонов (единолично или в сотрудничестве).[11] Возможность публикации прежде неизвестных архивных источников привлекает к теме „идеологического бытия" белорусской лингвистики 1920-х гг. также некоторых литературоведов.[12] В работах белорусских историков внешние обстоятельства бытования белорусского языкознания 1920-х гг. могут освещаться более детально, что обусловлено в том числе активным привлечением прежде неиспользовавшихся архивных материалов. В случае работы на „лингвистическом поле" белорусских историков, однако, могут возникать специфические проблемы, связанные с (не) адекватным пониманием лингвистических концепций и нюансов научной полемики того времени.

Сложность обсуждения идеологических перипетий бытия белорусской лингвистики 1920-х гг. исходя прежде всего из ее „узкой, „собственно" лингвистической, перспективы в значительной степени обусловлена сформировавшейся в белорусской историографии в 1930–1950-е гг. традицией (и зависимой от нее лингвистической практикой) излагать обстоятельства развития белорусского языкознания 1920-х гг. с привлечением четких идеологических оценок и политических клише, которые, к сожалению, на долгое время „приросли" к историко-лингвистическому дискурсу, в известной степени заменили его. Ситуация изменилась к лучшему в 1960-е гг., однако вплоть до конца 1980-х гг. при освещении периода 1920-х гг. написанной истории белорусской лингвистики были свойственны различные умолчания или искажения, особенно бросающиеся в глаза в учебной литературе. Сегодня немыслимо себе вообразить с какими трудностями сталкивались, например, авторы опубликованной в 1968 г. монографии *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*, книги, в которой нельзя было упоминать имена таких активных участников лингвистической нормализации в Беларуси 1920-х гг., как Я. Лёсик и В. Ластовский, невозможно было цитировать *Працы Акадмічнай канферэнцыі па рэформе беларускага правапісу і азбукі* (1927). В процессе издания в 1985 г. книги *Беларускія мовазнаўцы* И. К. Германовича по настоянию цензурного ведомства из нее был удален очерк, посвященный, может быть, самому лучшему белорусскому лингвисту 1920-х гг., С. Некрашевичу. Груз старых шаблонных негативных оценок периода 1920-х гг. имеет какое-то значение

[11] Ср., например: Р. П. Платонаў, *Лёсы. Гісторыка-дакументальныя нарысы аб людзях і малавядомых падзеях духоўнага жыцця ў Беларусі 20–30-х гадоў,* Мінск 1998; *На крутым павароце. Ідэолага-палітычная барацьба на Беларусі ў 1929–1931 гг.: дакументы, матэрыялы, аналіз,* Мінск, 1999; *Беларусізацыя: 1920–я гады. Дакументы і матэрыялы,* Мінск 2001; *Перед крутым поворотом. Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.),* Минск 2001.

[12] Ср., например: Ц. Чарнякевіч, *Спрэчка дзвюх культур: абмеркаванне даклада Восіпа Ваўка–Левановіча 1 лютага 1924 г. у кантэксце філалагічнай навукі Беларусі 1920-х гадоў*, „Асоба і час", вып. 4, 2011, с. 346–364;

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

и сегодня; ведь, будучи неоднажды воспроизведенными, прежние мнения в каком-то виде могут присутствовать и в современных работах, не говоря уж о том, что до сих пор остаются в употреблении некоторые старые учебники, в которых отражены неприемлемые сегодня подходы и оценки.

Вопрос установления степени независимости белорусской лингвистики 1920-х гг. от политических структур и идеологических концепций своего времени осложняется ввиду необходимости учета того обстоятельства, что на первом этапе становления БССР образовательные задачи в той или иной мере могли соотноситься с политическими целями построения нового общества. Особый ракурс обсуждаемому вопросу придает то обстоятельство, что в рамках 1920-х гг. становление и развитие белорусского языкознания происходило в рамках становления тоталитарного общества. Имеет значение и то, что изначально белорусская советская лингвистика занималась в первую очередь не „собственно научными", но преимущественно практическими задачами подготовки грамматик и словарей белорусского языка. Исходя из небелорусской перспективы такая деятельность может квалифицироваться как сугубо „ненаучная", политическая; ср. в этом отношении замечание 1929 г. одного из российских эмигрантов о „придуманности" орфографии белорусского языка или, например, мнение Э. Хаугена о том, что Й. Добровский был „больше патриотом, чем лингвистом".[13] Конечно, отнюдь не прост и неоднозначен и вопрос соотношения тех или иных научных концепций (особенно связанных с вопросами формирования литературных языков) с политико-идеологическими доктринами своего времени.

Существует мнение, что языковая стандартизация представляет собой некий „социально-политический процесс", который „всегда происходит на определенной идей основе".[14] Прескриптивные высказывания о языке служат интересам высшего и среднего классов, отражая их идеологию в определении таких понятий, как „вкус", „дискриминация" и „культура",[15] при этом наличествующее в процессе языковой стандартизации установление иерархии и гегемонии обычно не выставляется напоказ. Процесс языковой стандартизации может подаваться таким образом, будто бы он был следствием некоего „естественного отбора". Такое понимание языковой стандартизации как естественного процесса оправдывает существование таких гегемонических общественных институтов, как образование, средства массовой информации и „даже академическая лингвистика". В таком случае подразумевается, что эти общественные институты

[13] См.: П. М. Бицилли, *Нация и Язык*, Париж, 1929, перепечатка [в:] П. М. Бицилли, *Избранные труды по филологии*, [Без места] 1996, с. 79–97; Э. Хауген, *Лингвистика и языковое планирование*, [в:] *Новое в лингвистике*, вып. VII, Москва 1975, с. 454.

[14] M. Inoue, *Standardization*, [в:] *Encyclopedia of Language & Linguistics*, vol. 12, Amsterdam 2006, p. 123; Нарумов Б. П. *Литературный язык и язык художественной литературы в Галисии*, [в:] *Языковая норма и эстетический канон*, Москва 2006, с. 250.

[15] R. Mesthrie, *Society and Language: Overview*, [в:] *Encyclopedia of Language & Linguistics*, vol. 11, Amsterdam 2006, p. 475.

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

существуют не столько с целью создать и ввести в употребление стандартный язык, сколько просто выступают очевидными передатчиками (transmitters) „естественного" хода языкового развития.[16]

Исходя из такого понимания следует признать, что любая национальная наука о языке в том или ином виде обслуживает (по крайней мере, обслуживала) определенные высшие социальные слои государства, в пределах которого она развивается. Деятельность белорусской советской лингвистики разворачивалась под опекой наркомата просвещения; будучи включенным в организационную структуру белорусского советского государства, белорусская лингвистика в целом как государственная институция *volens-nolens* исполняла определенные функции в этом образовании. Один из ведущих белорусских лингвистов 1920-х гг., С. Некрашевич занимал различные руководящие должности в наркомате просвещения, руководил отделом науки при наркомате, возглавлял Институт белорусской культуры, был председателем отдела гуманитарных наук Инбелкульта, входил в правительственную комиссию, которая занималась реорганизацией Инбелкульта в Академию наук, был директором Института языкознания и вице-президентом Белорусской академии наук.[17] Наряду с другими известными учеными, литераторами и деятелями искусства С. Некрашевич входил по совместительству в состав первой коллегии Главного управления по делам науки БССР, сотрудничал как политический редактор в Государственном издательстве Беларуси и др.[18] В качестве государственного функционера С. Некрашевич, естественно, проводил определенную государством политику в сфере образования, науки и культуры. К. Вулхайзер показал, что в процессе „языкового строительства" в БССР 1920-х гг. некоторые белорусские лингвисты пытались приспособить процесс разработки и кодификации белорусского языка к реализации более широкой советской модели, что оставило след в их публикациях. Прежде всего замечается стремление сотрудничать с властью (либо использовать сложившуюся конъюнктуру) в рамках лингвистической практики со стороны Я. Лёсика, употреблявшего иногда в своих усилиях реформировать белорусскую орфографию специфическую политическую фразеологию.

Несмотря на институциональную включенность белорусской лингвистической практики в деятельность наркомата просвещения, однако, нельзя говорить ни о беспроблемных отношениях между белорусскими лингвистами и властью, ни, наоборот, о несвободе научного мышления в сфере языкознания. Применительно к ученым-популяризаторам научных знаний в СССР их отношения с политической властью до 1928 г. оцениваются как „большие трения и сотруд-

[16] M. Inoue, *op. cit*., p. 123.

[17] І. К. Германовіч, *Беларускія мовазнаўцы*, т. 2, Мінск 2008, с. 54–56.

[18] А. А. Гужалоўскі, *Чырвоны аловак. Нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР*, кн. 1, Мінск 2012, с. 11, 59.

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

ничество".[19] Оба эти компонента – сотрудничество и трения – были в наличии и в случае участия в научном и культурном строительстве БССР многих языковедов, прежде всего таких фигур, как Я. Лёсик, С. Некрашевич, В. Ластовский и др. В первые послереволюционные годы они (В. Ластовский вплоть до 1926 г.), в соответствии с квалификацией властей, занимались антисоветской, контрреволюционной деятельностью. В 1920-е гг. среди белорусских лингвистов еще не было коммунистов. Еще в 1933 г. констатировалось, что среди преподавателей языкознания во всех высших учебных заведениях Беларуси был только один член партии.[20] С точки зрения представленности в лингвистической среде коммунистов ситуация, например, в российской лингвистике того времени была, несомненно, более благоприятной.[21]

Впрочем, существовала сфера, белорусская лексикография, которая очевидным образом реагировала на изменения политического уклада и государственного строя. В белорусские словари 1920-х гг. постепенно включались слова типа *класс, классовый, коммуна, коммунизм, коммунистический, пролетариат*, ограничивалось представление религийной терминологии.[22] Что касается последней, впрочем, немного парадоксально, некоторые белорусские переводные практические словари во второй половине 1920-х гг. громко критиковались (прежде всего, поэтами и литературными критиками) именно за чрезмерное представление в них религийной лексики.[23]

В начале своей деятельности в БССР со специфическими проблемами столкнулся прежде всего прежний политический деятель, преподаватель Белорусского государственного университета, член Института белорусской культуры со дня его основания Я. Лёсик.

В сентябре 1922 г. второе издание его учебника *Практычная граматыка* было резко раскритиковано на страницах газеты „Звезда" членом Центрального бюро (далее – ЦБ) КП(б)Б Р. Пикелем и будущим первым председателем Главного управления по делам литературы и издательств БССР (далее – Главлитбел) Р. Шукевичем-Третьяковым. Р. Пикель счел учебник Я. Лёсика ненужным для партийной работы и сделал вывод, что в случае его выхода в свет под вывеской

[19] J. T. Andrews, *Science for the masses. The Bolshevik state, public science, and the popular imagination in Soviet Russia, 1917–1934*, Texas 2003, p. 4.

[20] Я. Мацюкевіч, *Нашы дасягненні і недахопы ў рабоце*, „За пралетарскую навуку", 28 чэрвеня 1933.

[21] См.: И. А. Тугаринов, *ВАРНИТСО и идеологизация науки*, „Философские исследования", 1993, № 3, с. 136; В. М. Алпатов, *История одного мифа. Марр и марризм*, Москва 1991.

[22] В. Рагойша, *Купала – лексікограф*, „Роднае слова", 2012, № 6, с. 23; P. Wexler, *Hieratic components in Soviet dictionaries of Yiddish, Dungan, and Belorussian*, [в:] *The Politics of Language Purism*, Berlin – New York 1989, p. 143.

[23] См., например: К. З–ны, [рец.:] С. Некрашэвіч, М. Байкоў, *Расійска–беларускі слоўнік*, Мінск, 1928, 728 с. „Arche", 2010, № 11, с. 165; *Мы застанемся чыстымі сумленнем перад гісторыяй і народам…. Лісты Уладзіміра Дубоўкі да Адама Бабарэкі,* „Arche", 2009, № 11–12, с. 535.

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

издательства велась „контрреволюционная пропаганда".[24] Р. Шукевич-Третьяков написал, что в недавно опубликованных статьях Я. Лёсик призывал к защите „буржуазно-демократических" завоеваний, при этом преувеличивал значение белорусского языка.[25] Эти публикации, вероятно, представляли собой реакцию на постановление ЦБ КП(б)Б *О высылке профессоров и общественных работников страны за пределы Беларуси* от 7 сентября 1922 г., в котором среди прочего предусматривалось „поднять в прессе кампанию против антисоветских белорусов – общественных работников с таким расчетом, чтобы через месяц выселить гр. Лёсика". Вопрос об издании *Беларускай граматыкі* Я. Лёсика 6 октября 1922 г. рассматривался на заседании президиума ЦБ КП(б)Б, где было постановлено издать ее, возложив ответственность за окончательную редакцию на заместителя наркома просвещения А. В. Балицкого. В рамках серии акций органов Главного политического управления (далее – ГПУ) Беларуси в начале ноября 1922 г. Я. Лёсик был арестован, но в середине декабря был освобожден.[26] В то время, когда Я. Лёсик находился под арестом, 9 ноября 1922 г., согласно резолюции коллегии Главлитбела, его грамматика была разрешена к напечатанию, однако издательству было предписано указать в предисловии и послесловии, что оно „принципиально не согласно с идеями, которые проводит автор".[27] Если такого типа предписание можно рассматривать как либеральное, то последующей деятельности цензурного ведомства были более присущи диктат и запреты. Подготовленная Я. Лёсиком в 1921 книга для чтения *Наша крыніца* в феврале 1923 г. попала в список запрещенной литературы как „религиозно-шовинистическая". В рукописи учебника *Беларуская мова. Правапіс* в июле 1923 г. было сделано более 60 цензурных правок; второе издание было разрешено печатать после того, как в нем было сделано еще 140 правок. В ноябре 1924 г. за „контрреволюционные идеи" вредным была признана написанная в 1923 г. статья Я. Лёсика *Асноўны матыў у творчасці М. Багдановіча*. Рукопись учебника Я. Лёсика по синтаксису была подписана к печати после совершения в ней 80 правок.[28]

Вероятно, контроль со стороны Главлитбела за учебниками Я. Лёсика простирался прежде всего на включенные в них языковые иллюстрации, по крайней мере, именно так было с рукописью его книги по правописании 1929 г.: после ее обсуждения на коллегии Главлитбела в учебнике был упразднен ряд языковых примеров. Некоторые нежелательные предложения были забракованы цензурой в 1925 г. в книге для чтения *Наша сіла – ніва ды машына*, подготовленной М. Байковым и С. Некрашевичем.[29] В данный момент нет возможности опреде-

[24] Р. Пикель, *Реакционный учебник*, „Звезда", 15 сентября 1922.
[25] Р. Шукевич-Третьяков, *Под фирмой патриотизма*, „Звезда", 26 сентября 1922.
[26] Р. Платонаў, *Пакутнымі сцежкамі Язэпа Лёсіка*, „Чырвоная змена", 23 студзеня 1996.
[27] А. А. Гужалоўскі, *op. cit*., с. 17.
[28] *Ibidem*.
[29] *Ibid.,* с. 18.

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

лить, простирались ли претензии цензоров до сформулированных в указанных книгах теоретических положений и конкретных языковых правил.

Проблема „языкового строительства" в Беларуси была частью более широкого проекта построения социалистического государства.[30] Однако наркомату просвещения была предоставлена определенная свобода действий в формулировании и реализации образовательной и языковой политики. Такая свобода и практические действия образовательного органа не имели единодушной поддержки среди правоверных коммунистов. На 12-й Всебелорусской партийной конференции (март 1923 г.) некоторые делегаты критиковали наркомат просвещения за чрезмерное внимание к белорусскому языку в ущерб „марксистскому, пролетарскому, классовому смыслу культуры". Согласно этим критикам, белорусский язык составлялся „искусственно" и в таком виде внедрялся в школы и средства массовой информации. Вместо этого предлагалось распространять „пролетарскую культуру" на русском языке.[31] Сама политика наркомата, направленная на укрепление белорусского языка, могла квалифицироваться как „вредный уклон на культурном фронте, который можно и нужно остановить".[32]

Пункты, имеющие отношение к оценке состояния белорусского языкознания и литературного языка того времени, а также подходов к его формированию в январе 1925 г. были зафиксированы в резолюции *Очередные задачи КП(б)Б в национальной политике* пленума ЦК КП(б)Б. В частности, констатировалась „пестрота" и „незавершенность литературного языка и популярно-литературного". В резолюции констатировалось, что работа над литературным белорусским языком в основном проведена, однако, утверждалось, „чрезвычайно отстала работа по политической, научной, юридической и марксистской терминологии" и, „что особенно недопустимо, почти ничего не сделано для выработки, на основе изучения народного языка, унифицированного и популярного белорусского языка. При этом нельзя противопоставлять белорусский литературный язык популярному, который по мере культурного роста деревни будет обогащаться, очищаться, приближаться к литературному белорусскому языку".[33]

Что касается оценки отставания деятельности в области обществоведческой терминологии, то, с одной стороны, она отражала заинтересованность властей того времени в создании белорусской терминологии в целом. С другой стороны, этот акцент в резолюции, возможно, как-то повлиял на ускорение издания в 1926 г. в серии „Беларуская навуковая тэрміналогія" юридического и обществоведческого словарей.

Относительно необходимости выработки близкого к народному литературного языка следует сказать, что это важное в условиях белорусизации для уси-

[30] C. Woolhiser, *op. cit*.
[31] *Ibid.*, p. 304, 313.
[32] *Беларусізацыя, op. cit*:, с. 48.
[33] *Идеологическая деятельность Компартии Белоруссии. 1918–1945*, ч. 1, Минск 1990, с. 161.

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

ления эффективности агитационной и партийной работы положение не было оригинальной идеей, выношенной в белорусских партийных кругах в середине 1920-х гг. Оно соответствовало подходам центральных (московских) партийных органов относительно необходимости пользоваться в практической работе с населением простым, доступным языком и совпадало с практикой прежних белорусских партийных деятелей социал-демократического направления. Совпадало оно и с мнениями на этот счет кодификаторов белорусского литературного языка, которые (мнения) сформировались гораздо ранее, чем в середине 1920-х гг.

Языковедческие вопросы обсуждались также в рамках дискуссии о национальной политике на октябрьском (1925 г.) пленуме ЦК КП(б)Б. В частности, было повторно констатировано, что в политической, научной и правовой сферах вопросы белорусского языка находились еще только на начальной стадии развития. Пленум указал на „неусвоение и медленность" выполнения директивы предыдущего пленума о популярном белорусском языке, напомнил о необходимости пользоваться в газетах простым языком и ускорить терминологическую работу. „Непреодоленный" взгляд на белорусский язык как на придуманный и искусственный квалифицировался в резолюции как шовинистический. В постановлении была также зафиксирована необходимость добиваться, чтобы работа по выработке терминологии „в максимальной степени опиралась на живой разговорный язык белорусской деревни".[34]

Предположительно эти постановления партийных пленумов в части способа формирования белорусского литературного языка могли быть ссформулированы в значительной степени исходя из мнений на сей счет белорусских лингвистов. Что касается статуса таких резолюций в лингвистической среде как „директивных" в принципе, то в середине 1920-х гг. они могли иметь, скорее, „совещательное" значение для языковедов. Лингвисты середины 1920-х гг. имели собственные взгляды на формирование белорусского литературного языка независимо от резолюций партийных органов. Среди белорусских языковедов в то время не было коммунистов, которые особенно внимательно брали бы во внимание подобные резолюции. В лингвистических работах этого времени не встречаются ссылки на такого типа постановления.

Интересы белорусских политиков и лингвистов непосредственно пересеклись также в середине 1926 г., когда первым надо было нейтрализовать возможный созыв за рубежом Всебелорусского съезда с участием В. Ластовского, а другим – обсудить проблемы орфографического и графического реформирования белорусского языка. Вопреки тому обстоятельству, что Академическая конференция по реформе белорусского правописания и азбуки 1926 г. была в значительной степени созвана исходя из политических соображений, политическая часть конференции была в значительной степени нивелирована; одно-

[34] *Ibid.*, с. 181.

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

временно научная часть конференции ни в малой степени не была подчинена политической конъюнктуре.[35]

Применительно ко второму этапу культурной политики советской власти в БССР, который продолжался по 1928 г., в литературе говорится о „поиске новых подходов к творчеству", открытии музеев, проведении выставок. В это время отлаживались механизмы управления отдельными отраслями, а в сфере идеологии наблюдалась „либеральная и упорядоченная линия поведения со стороны самой партии".[36] Эта партийная линия, однако, не исключала контроля (включая слежку) за представителями научной интеллигенции со стороны властей. Позиции в отношении интеллигенции постепенно пересматривались, что приводило к столкновениям.[37]

Как известно, вопреки общей поддержке научной и культурной сфер уже на втором этапе культурной политики советской власти в БССР многие культурные и научные деятели не имели полного доверия со стороны партийно-государственной иерархии, а некоторые столкнулись с неприятием. В апреле 1926 г. историку М. В. Довнар-Запольскому было предписано выехать за пределы БССР. В материалах созданной на основе постановления мартовского (1926 г.) пленума ЦК КП(б)Б комиссии по интеллигенции, которая занималась проверкой работников научных учреждений, высших учебных заведений, техникумов, просветительских организаций, Я. Лёсик был охарактеризован как „национал-демократ", секретарь секции языка и литературы В. Чаржинский – как „национал-демократ", И. Белькевич – как „белорусский эсер", Ф. Имшенник – „как эсерствующий". Русский по национальности Л. Цветков в этих материалах бых охарактеризован как человек с „белорусским национал-демократическим уклоном", члены орфографически-терминологической комиссии, классики белорусской литературы Янка Купала и Якуб Колас – как лица соответственно с „левонароднических" и „национал-демократическим" уклонами.[38]

С 1928 г. стала окончательно оформляться система управления культурой, которая предусматривала в том числе прямое вмешательство партийных и государственных органов в творческие процессы. Большое влияние на возникновение некоторых научных структур оказали политические факторы, важное значение для различных наук имели идеологические кампании, которые раз-

[35] О сочетании политических и научных ракурсов во время проведения Академической конференции подробнее см.: С. М. Запрудскі, *Беларускае мовазнаўства і развіццё беларускай літаратурнай мовы: 1920–1930–я гады*, Мінск 2013, с. 101–116.

[36] И. В. Лайша, *Этапы становления и развития культурной политики советской власти в БССР в 1920–е гг.*, [в:] *III Машеровские чтения. История. Белорусская филология. Русская филология*, Витебск 2009, с. 3.

[37] *Перед крутым поворотом. Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.)*, Минск 2001, с. 116–185; М. П. Касцюк, *Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі*, Мінск 2000, с. 73–75.

[38] *Перед крутым поворотом*, *op. cit.*, с. 167, 180–181.

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

ворачивались буквально в каждой научной области.[39] Существует мнение, что сроки формирования некоторых научных организаций (например, ВАРНИТСО – „Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР", устав был утвержден в феврале 1928 г.) координировались с политическими процессами типа „Шахтинское дело".[40] В БССР поворот в культурной политике закрепил XII съезд КП(б)Б 1929 г. и октябрьский пленум ЦК КП(б)Б 1930 г.[41] Эти сдвиги отразились на условиях работы, деятельности и судьбах белорусских лингвистов. Первыми от новой политики потерпели С. Некрашевич, В. Ластовский, М. Байков, Л. Цветков, Н. Дурново, И. Волк-Левонович.

11 сентября 1929 г. на собрании актива Минской городской партийной организации секретарь партийной ячейки газеты „Звязда" Я. П. Челядинский говорил об обнаружении в опубликованных пяти книгах „Записок отдела гуманитарных наук" (издавались под общей редакцией С. Некрашевича) „буржуазной скорининский теории, и крестов, и молитвенников". „Советскость" С. Некрашевича в этом выступлении была охарактеризована как „почти не марксистская". Главе академической лингвистики вменялось в вину публикация в „Записках" собственной статьи *Язык книги Касьяна Римлянина Еремиты „О уставах манастирских"*, в результате чего были потрачены „целые листы на произведение о святом отце римском XVII века". Оратор недоумевал, для каких целей работа С. Некрашевича была издана „в смысле марксизма". В выступлении критике был подвергнут также заместитель директора Института языкознания Я. Лёсик, который, „вводя полонофильские, польские слова, везде старается перевести, чтобы не было русских слов, а были полонофильские и славянофильские".[42]

27 сентября 1929 г. в московской „Сельскохозяйственной газете" и в „Комсомольской правде" была опубликована статья о правооппортунистических и националистических искажениях в деятельности наркомата просвещения БССР, перепечатанная 29 сентября минской газетой „Рабочий". Помимо того, что в этой статье критиковалась деятельность недавно уволенного наркома просвещения БССР А. В. Балицкого, значительное внимание в публикации было уделено бывшим лидерам белорусского национального движения, которые в свое время вступили на путь сотрудничества с советской властью и занимали определенные должности в научной, культурной или административной сферах. Так, руководитель Главнауки С. Некрашевич в этой статье был назван „другом Луцкевича, Островского и других агентов Пилсудского в Западной Беларуси". (А. Луцкевич в это время в советской печати характеризовался преимущественно как

[39] *Наука в тоталитарном государстве. От редакции*, „Вопросы философии", 1993, № 2, с. 47.
[40] И. А. Тугаринов, *op. cit*., с. 131, 142–143.
[41] *На крутым павароце. Ідэолага–палітычная барацьба на Беларусі ў 1929–1931 гг.: дакументы, матэрыялы, аналіз*, Мінск 1999; Р. П. Платонаў, *Беларусь у міжваенны перыяд. Старонкі палітычнай гісторыі ў святле архіўных дакументаў*, Мінск 2001; И. В. Лайша, *op. cit*.
[42] *На крутым павароце, op. cit*., с. 129–132.

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

„фашист"). Среди лиц, которые занимали руководящие должности в Академии наук, Научно-исследовательском институте и Сельскохозяйственном институте, были названы: „национал-демократ" М. Горецкий, „столыпинец" И. Кисляков, „бывший помещик" А. Ясинский, „национал-демократ, полонизатар белорусского языка" Я. Лёсик, В. Ластовский, М. Байков и др. Укрывшийся за криптонимом *А. И.*, автор статьи утверждал, что указанные „чужие и враждебные лица не имеют ничего общего с пролетариатом и „пока принесли советской Беларуси только вред".[43] А. Балицкий и С. Некрашевич отреагировали на эту публикацию (С. Некрашевич написал письмо редактору газеты). 1 октября газета „Рабочий" опубликовала заметку, в которой отреклась от своей перепечатки и назвала ее ошибочной.

20 октября 1929 г. было обнародована постановление СНК БССР, согласно которому за публикацию в одном из томов „Записок отдела гуманитарных наук" статьи *Диспалатализация l в белорусском языке* западнобелорусского языковеда и культурного деятеля Я. Станкевича редактор тома С. Некрашевич был освобожден от должности вице-президента БАН, а В. Ластовский – с должности ответственного секретаря.[44]

В ноябре 1929 г. с работы в Академии наук были уволены член комиссии по составлению словаря живого белорусского языка М. Байков – „как скомпрометированный в печати и как чуждый по своему социальному происхождению"[45] – и секретарь Института научного языка Л. Цветков. Последний подавал апелляцию в президиум Академии наук; известно, что его дело рассматривалось на заседании фракции КП(б)Б ЦБ секции научных работников БССР 20 декабря 1929 г. Участники заседания решили „постановление месткома и общего собрания БАН об исключении из членов Союза трудпросвещения считать правильным", поскольку деятельность Л. Цветкова при советской власти „не носила характера отказа от своих прежних взглядов".[46]

Имена С. Некрашевича и В. Ластовского 10 декабря 1929 г. фигурировали в материале газеты „Звязда", опубликованном под трехуровневом заголовком „Научная работа Академии под обстрелом самокритики. Буржуазно-реакционным идеологам дать решительный отпор. Поднимем на должную высоту работу кафедры марксизма-ленинизма". С. Некрашевич критически упоминался в этой публикации как автор статьи „Язык книги Касьяна Римлянина Еремиты… ", В. Ластовский – как человек, который поместил в этнографическом сборнике

[43] *Ibid.*, с. 144–145.

[44] Э. Іофэ, *Першы старшыня Інбелкульта*, „Спадчына", 1995, № 6, с. 73.

[45] І. І. Шаўчук, *Навука ў БССР і расійскія вучоныя (20–30-я гг. XX ст.)*, [в:] *Актуальныя праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярэчнасці, перспектывы развіцця*, ч. 3, Гродна 2003, с. 141–142; І. К. Германовіч, *Беларускія мовазнаўцы*, т. 1, Мінск 2006, с. 44. И. Шевчук свидетельствует, что М. Байков был уволен из академии в октябре 1929 г., И. Германович указывал на середину 1930 г.

[46] Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4. Оп. 14. Д. 10. Л. 152.

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

духовные стихи. Также в статье в критическом свете упоминалась публикация в изданиях академии труда „о евангелии XIX в.".[47] Видимо, в данном случае имелась в виду статья *Короткие замечания о некоторых памятниках белорусского языка в Ленинграде* И. Волка-Левоновича.

В декабре 1929 г. обострилась и в течение нескольких дней пришла к своему печальному разрешению ситуация вокруг Н. Дурново. После сообщений московской печати о том, что Н. Дурново был выдвинут в члены АН СССР, 15 декабря фракция КП(б)Б ЦБ секции научных работников БССР провела заседание, на котором рассмотрела этот вопрос и в итоге заявила протест против такого выдвижения. В газете „Звязда" за подписью *Научный работник* была напечатана статья под названием *Реакционеру Дурново – не место в Академии наук*. 18–19 декабря президиум Академии наук постановил подать докладную записку в СНК БССР о лишении Н. Дурново звания академика и увольнении его с работы.[48]

Действия правительства и академических структур в деле указанных ученых были обусловлены общей активизацией идеологической деятельности партийных органов, которая имела место в Беларуси в 1929 г., особенно во второй его половине. 5–14 февраля 1929 г. состоялся XII съезд КП(б)Б, который способствовал расширению административно-силовых методов воздействия в идеологически-партийной борьбе, в общем, и пересмотру позиции в отношении интеллигенции, в частности. С 9 мая по 27 июня 1929 г. в Беларуси с целью обследования практики национальной работы работала комиссия ЦКК ВКП(б) под руководством председателя ЦКК компартии Украины В. П. Затонского. 27 июля 1929 г. газета „Звязда" опубликовала подготовленную по решению бюро ЦК КП(б)Б редакционную статью *О правом уклоне в КП(б)Б по национальному вопросу*. В августе 1929 г. за подписью *А. И.* шесть больших статей о политическом положении в Беларуси напечатала московская газета „Комсомольская правда". 5–8 сентября пленум ЦК КП(б)Б обсуждал в том числе вопрос о необходимости вовлечения интеллигенции в классовую борьбу и изобличении „кулацко-нэпманских идеологов". 2 ноября 1929 г. газета „Звязда" опубликовала редакционную статью *Активнее поведем борьбу с национал-демократизмом, очистим партию от национал-демократических агентов, дадим отпор примиренческому отношению к национал-демократизму*!. 19 сентября из партии были исключены нарком земледелия Д. Ф. Прищепов и его заместитель А. Ф. Адамович. В течение осени 1929 г. разворачивалось так называемое дело наркома просвещения А. В. Балицкого, из Сельскохозяйственной академии был уволен профессор И. А. Кисляков, в постановлении президиума

[47] К. Шкільтэр, *Навуковая праца Акадэміі пад абстрэлам самакрытыкі. Буржуазна-рэакцыйным ідэолагам даць рашучы адпор. Узнімем на належную вышыню працу кафедры марксізму-ленінізму*, „Звязда", 10 снежня 1929.

[48] И. И. Шевчук, *Минский период в жизни Н. Н. Дурново*, „Славяноведение", 2011, № 2, с. 78–85; М. А. Робинсон, *Реакцыянеру Дурнаво ня месца ў Акадэміі навук и Заявление профессора Н. Н. Дурново*, [в:] *Развитие славистики в зеркале эпистолярного наследия и других личных документов*, Brno 2012, с. 147–157.

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

ЦКК КП(б)Б *Об итогах чистки ячейки Наркомпроса* выступление некоторых участников во время чистки З. Жилуновича были квалифицированы как „наглая национал-демократическая вылазка".[49] 10 ноября 1929 г. в газете „Известия" была опубликована статья В. П. Затонского На *фронтах национальной культуры, или Правая, левая где сторона*, посвященная „художествам" национал-демократизма в Беларуси. В статье утверждалось, что „замазывается классовое содержание национализма", обострение которого в Беларуси „непосредственно, грубо-примитивно, четко и ясно" связано с укреплением „кулака", критиковалась практика „заискивания перед академиками" и т. д., и т. п.[50]

Привлечение внимания партийных органов к ученым в это время, возможно, было также как-то связано с выполнением принятого 26 июня 1929 г. постановления ЦК ВКП(б) *О научных кадрах ВКП(б)* и „пролетаризацией" академии, которая начинала набирать силу. В посвященной проблеме научных кадров статье, опубликованной в газете „Правда" 21 ноября, с опорой на предоставленные секцией научных работников сведения сообщалось, что более половины научных работников начали заниматься наукой до 1918 г., а коммунисты среди ученых составляли лишь 7–8%. В статье констатировалось „оживление активности представителей чуждой идеологии" и считалось нужным „ввести в действие катализаторы, способные ускорить процесс дифференциации сил внутри научных кадров".[51] 4 декабря 1929 г. в опубликованном в газете „Правда" информационном материале сообщалось, что Московская областная конференция научных работников посчитала „вполне своевременным пересмотреть состав старых академиков с целью удаления из Академии отсталых в научном отношении и вредных в общественном смысле элементов".[52] В упомянутой выше статье газеты „Звязда" от 10 декабря речь шла в том числе о серии открытых собраний ячейки мастерских малого ремонта (состоялись 22, 29 октября и 5 ноября), на которых обсуждалась деятельность ячейки КП(б)Б БАН. На этих собраниях говорилось о том, что „академики боятся рабочей критики […] заперлись в своих кабинетах", сотрудники академии были призваны „выйти в рабочие районы с докладами о работе академии".[53] Одной из важных задач ВАРНИТСО считалась необходимость „предупреждения и сигнализации назревающих вредительств", важным условием реализации такого подхода называлась „неослабевающая бдительность"; в рамках ВАРНИТСО как руководство к действию популяризовался лозунг о необходимости в деле разоблачения вредительства „вызвать на соревнование ОГПУ".[54]

---

[49] *На крутым павароце,* с. 29–193.

[50] В. Затонский, *На фронтах национальной культуры, или Правая, левая где сторона*, „Известия", 10 ноября 1929.

[51] М. Лапиров–Скобло, *Проблемы научных кадров*, „Правда", 21 ноября 1929.

[52] *Областная конференция научных работников*, „Правда", 4 декабря 1929.

[53] К. Шкільтэр, *op. cit.*

[54] И. А. Тугаринов, *op. cit*., с. 150.

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

К активизации идеологической деятельности в Беларуси в 1929 г. имело отношение ГПУ. Так, том со статьей Я. Станкевича прошел необходимую проверку в цензурным ведомстве, но впоследствии дело не упустило из виду ГПУ.[55] След ГПУ прослеживается и в связи с другим, очень специфическим случаем: полемическим докладом И. Волка-Левоновича *О некоторых важнейших недостатках белорусского литературного языка*, прочитанном в Академии наук 16 декабря 1929 г.[56] По одним оценкам, наряду с правильными положениями этот доклад имел также „ряд ошибочных"; среди прочего И. Волк-Левонович назвал руководство языковедческих учреждений Беларуси „националистическим застенком".[57] Согласно другим оценкам, доклад содержал „полностью обоснованное в научном плане утверждение о формировании литературных языков на инновационной базе".[58] Дискуссия по докладу на заседании не успела развернуться, докладчик только получил несколько острых вопросов. После более поздних публичных политических обвинений в связи с этим докладом в 1930 г. И. Волк-Левонович уехал из Беларуси.

Необычным в обстоятельствах подготовки и восприятия данного доклада является то, что выступить с ним И. Волка-Левоновича уговорил неизвестный секретный сотрудник ГПУ, который хорошо знал „великодержавные шовинистические", по его словам, взгляды ученого.[59] Этот сотрудник также спровоцировал слухи относительно поведения И. Волка-Леонович во время оккупации Беларуси немцами и способствовал негативной реакции на доклад.[60] По свидетельству И. И. Шевчука, И. Волк-Леонович стал объектом пристального внимания ГПУ не позднее чем с 1925 г.; в отношении последнего И. И. Шевчук счел возможным употребить выражение „шел на поводу" у ГПУ.[61] О том, что И. Волк-Левонович представлял собой ценность для органов ГПУ как личность с определенными взглядами, может свидетельствовать следующая его характеристика, данная в докладной записке председателя ГПУ БССР Г. Раппопорта секретарю ЦК КП(б)Б К. Гею 22 мая 1930 г. Г. Раппопорт неодобрительно отнесся к критической оценке суждений И. Волка-Левоновича со стороны некоторых, в том числе высокопоставленных, членов партии: „отъезд Волка-Левоновича из БССР политически невыгоден, так как с его отъездом разваливается группа белорусов-восточников, которая ведет непрерывную борьбу с группой западников и расшифровывает их контрреволю-

[55] А. А. Гужалоўскі, *op. cit*., с. 69.
[56] І. Воўк–Левановіч, *Пра некаторыя важнейшыя недахопы беларускай літаратурнай мовы*, „Arche", 2010, № 11, с. 354–380.
[57] І. К. Германовіч, *Беларускія мовазнаўцы*, т. 1, Мінск 2006, с. 127.
[58] Г. Цыхун, *Выбраныя працы*, Мінск 2012, с. 318.
[59] Ц. Чарнякевіч, *op. cit.,* с. 352.
[60] Г. Цыхун, *op. cit.,* с. 317; Ц. Чарнякевіч, *op. cit.,* с. 352.
[61] І. І. Шаўчук, *Гуманітарныя навукі ў сацыяльнай гісторыі Беларусі (20–30-я гады XX ст.)*, Брэст 2007, с. 208–209.

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

ционную сущность".[62] В результате интриг научная дискуссия по докладу И. Волка-Левоновича так и не состоялась. 24 декабря 1929 г. в политическом контексте доклад ученого был упомянут З. Жилуновичем на общем собрании сотрудников академии. Узнав об этом, И. Волк-Левонович написал заявление в комиссию по чистке ячейки КП(б)Б, утверждая, что его оппоненты в деле нормирования белорусского литературного языка имеют „идеалистически-националистические антимарксистские установки".[63] Личность ученого и его убеждения рассматривались в политическом ракурсе в газетных публикациях сотрудника кафедры марксизма-ленинизма А. Волобринского и заведующего отделом печати, культуры и пропаганды ЦК КП(б)Б А. Сенкевича.[64] В мае 1930 доклад И. Волка-Левоновича дал повод идентифицировать „антипролетарские", „шовинистические" установки в языкознании, зафиксированные в резолюции бюро ЦК КП(б)Б *Итоги дискуссии о языкознании*.[65] Все это создает исключительно специфический контекст в процессе оценки этого доклада.

Однако увольнения с должностей, травля и лишение работы на переломе 1920–1930-х еще не были для белорусских языковедов гг. самыми неблагоприятными вызовами. В 1930 г. произошел настоящий крах белорусского лингвистики. 17 февраля 1930 г. был арестован специалист словарной комиссии, член орфографической комиссии Института языкознания И. Белькевич. 28 июня 1930 г. был арестован еще один член орфографической комиссии – В. Чаржинский. 29 июня 1930 г. был арестован ученый секретарь ЦБ краеведения, составитель *Витебского краевого словаря* М. Касперович. В июле один за другим были арестованы составитель нескольких переводных словарей М. Горецкий, составитель геологического словаря М. Громыко, составитель *Подручного русско-кривичского (белорусского) словаря*, бывший ответственный секретарь БАН В. Ластовский, автор многочисленных изданий норм правописания и грамматик, заместитель директора Института языкознания академик Я. Лёсик, директор Института языкознания академик С. Некрашевич, член комиссии по составлению словаря живого белорусского языка Б. Эпимах-Шипилло. С 6 августа 1930 г. на протяжении месяца под арестом находился ученый секретарь Института языкознания П. Бузук. Судя по его переписке, а также по корреспонденции его жены, вплоть до начала февраля 1931 г. он болел тяжелым психоневрастеническим расстройством.[66] К большинству названных ученых были предъявлены обвинения в уча-

[62] Л. Рублевская, В. Скалабан, *Лингвистическая дискуссия с расстрелом*, „СБ – Беларусь Сегодня", 28 августа 2009.

[63] Ц. Чарнякевіч, *op. cit.*, с. 352–353.

[64] См., например: А. Валабрынскі, *Супроць буржуазнай рэакцыі ў мовазнаўстве (аб лінгвістычнай дыскусіі ў Беларускай акадэміі навук)*, „Звязда", 25, 27 красавіка 1930.

[65] *На крутым павароце*, *op. cit.*, с. 228–229.

[66] М. А. Робинсон, *Первый Международный съезд славистов: несбывшиеся надежды, обмен мнениями ведущих русских славистов до и после съезда*, [в:] *Письменность, литература,*

Pobrane z czasopisma Studia Bia?orutenistyczne **http://bialorutenistyka.umcs.pl**
Data: 20/11/2026 14:03:20

стии в контрреволюционной организации. Все это совершенно изменило научный климат в Беларуси.

Summary

The article deals with the level of independence of the Belarusian linguistics of the 1920s as a scientific discipline, its relationship with the bodies of the Communist Party of the Belarusian SSR. Despite of the fact that Belarusian linguists acted within structures that were created in the People's Commissariat of Education of the BSSR, they had freedom in articulating their thoughts. Before 1928 the relationships between scientists and political authorities are assessed, as formulated by J. T. Andrews, as "great tension as well as cooperation".

The article gives examples of negatives reviews of party critics in the first editions of Belarusian language textbooks and general claims of the censorship administration to this sort of books. The possible connection between the ways of forming the Belarusian literary language formulated in decrees of party forums and linguists' opinions is evaluated. Other examples of dramatic life of some scholars during the third stage of cultural policy of the Soviet authorities in the BSSR, which started in 1928 and meant much more active ideological activity of party bodies, are given. A special case of J. Voŭk-Levanovič is discussed, when he gave a polemical lecture "On some major insufficiencies of the Belarusian literary language" in the Academy of Sciences at the instigation of a secret member of the State Political Directorate (GPU).

фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов, г. Минск, 20–27 августа 2013 г.: Доклады российской делегации, Москва 2013, с. 600–601.